

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94(47) DOI 10.25986/IRI.2022.87.1.001

А. А. Горский

ИРИ РАН, Москва, Россия. gor-ks@yandex.ru

ЯНЬ ВЫШАТИЧ «ПРОТИВ» ПЕТРА БОРИСЛАВИЧА: УПОМИНАЛИ ЛИ СЕБЯ АВТОРЫ ДРЕВНЕРУССКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В ТРЕТЬЕМ ЛИЦЕ?

В статье критически рассматривается распространенное мнение, что авторы произведений древнерусской литературы часто упоминали себя в третьем лице. Автор приходит к выводу, что оснований для такого утверждения нет. Соответственно, все атрибуции, предполагающие, что автор назван в тексте в третьем лице, нуждаются в пересмотре.

Ключевые слова: древнерусская литература, атрибуция, Янь Вышатич, Петр Бориславич

При атрибуции произведений древнерусской литературы, оставшихся анонимными, нередко подразумевается, что автор может говорить о себе в тексте в третьем лице. Чаще всего предположения, основанные на этом допущении, остаются на уровне догадок, но некоторые стали признанными. Так, в I томе Словаря книжников и книжности Древней Руси двум персонам, чье авторство выводится именно из упоминания их в третьем лице, посвящены особые статьи: это епископ Лазарь и боярин Петр Бориславич. Причем если Лазарь определен как «предполагаемый автор *Сказания о Борисе и Глебе* и *сказания о чудесах этих святых*» [Творогов, 1987а], то о Петре Бориславиче сказано уверенно: «летописец» [Дмитриев, с. 329]. Это, разумеется, не случайно: если Лазарь в «Сказании о чудесах Бориса и Глеба» только одно из действующих лиц¹, то вероятность участия Петра Бориславича в летописании основывается на чрезвычайной, избыточной деталями, которые мог знать только сам Петр, подробности рассказа Ипатьевской летописи о его посольстве от киевского князя Изяслава Мстиславича к галицкому князю Владимирку Володаревичу в 1152 г. Гипотеза, что автором этого рассказа является сам Петр Бориславич, была выдвинута И. П. Хрущовым в 1878 г. [Хрущов, с. 176–182] и поддержана впоследствии Д. С. Лихачевым [Лихачев, с. 230–241] и Б. А. Рыбаковым².

¹ Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 64–65 (четыре упоминания).

² Б. А. Рыбаков обосновывал максимально большой масштаб литературной работы Петра Бориславича, полагая, что он принимал участие в киевском летописании в течение полувека (с 1140-х по 1190-е гг.), а также сформулировав гипотезу о нем как авторе «Слова о полку Игореве» [Рыбаков, 1972, с. 277–392; Рыбаков, 1991]. И. Н. Данилевский, критикуя выводы Б. А. Рыбакова, высказал осторожное сомнение в целом о причастности Петра Бориславича к книжности, и именно в связи с его упоминанием в летописи в третьем лице: «Примеров, когда автор древнерусского письменного произведения говорит о себе в третьем лице, называя себя исключительно по имени и отчеству, вероятно, найдется немного. В связи с этим представляется сомнительным основательность подтверждения авторства Петра Бориславича фрагментами летописи, где он упоминается в третьем лице» [Данилевский, с. 332].

Среди авторитетных атрибуций текстов людям, упомянутым в них в третьем лице, можно назвать игумена Александра, предполагаемого автора Жития Михаила Ярославича Тверского (причем аргументом выступает тот факт, что он единственный из представителей духовенства, сопровождавших героя Жития в гибельной для него поездке в Орду, назван по имени, то есть именование в третьем лице оказывается доводом *в пользу* авторства) [Кучкин, 1974, с. 232–233]³; бывают случаи, когда в науке «соперничают за авторство» несколько персонажей произведения, например Кузьма Киянин и Микула как предполагаемые авторы Повести о убиении Андрея Боголюбского [Колесов].

Между тем рискованность такого логического хода – «если мы имеем высокую степень подробности изложения, значит, автором является персонаж рассказа» – хорошо видна на примере статьи Повести временных лет 6579 (1071) г. В ней говорится о действиях на Белоозере киевского боярина Яня Вышатича, вынужденного подавлять восстание, возглавленное двумя волхвами. Степень подробности этого рассказа несколько не меньше, чем рассказа о посольстве Петра Бориславича. Приведем для сравнения параллельно оба текста.⁴⁵

Рассказ Повести временных лет о Яне Вышатиче под 6579 г. ⁴	Рассказ киевской летописи о посольстве Петра Бориславича под 6660 г. ⁵
<p>Бывше бо единою скудити в Ростовьстѣи области, встаста два волхва от Ярослава, глаголюща, яко «вѣ свѣвѣ, кто обилѣе держитъ». И пойдоста по Волзѣ; кдѣ придут в погостѣ, ту же нарицаху лучшиѣ жены, глаголюща, яко «си жито держитъ, а си медь, а си рыбы, а си скору си». И привожаху к нима сестры своя, матере и жены своя. Она же в мечтѣ прорѣзавше за плечемъ, вѣимаста любо жито, любо рыбу, и оубивашета многы жены, [и] имѣнье ихъ отимашета собѣ. И придоста на Бѣлоозеро, и бѣ оу нее люди инѣ 300. В се же время приключиса прити от Святослава дань емлющую Яневи, сыну Вышатину; повѣдаша ему бѣлозерци, яко два кудесника избила оуже многы жены по Волзѣ и по Шекснѣ, и пришла еста сѣмо. Ян же, испытавъ, чья еста смерда, и оувѣдѣвъ, яко своего князя, пославъ к нимъ, иже около ею суть, рече имъ: «Выдаите волхва та сѣмо, яко смерда еста моя и моего князя». Они же сего не послушаша. Янь же поиде сам безъ оружья, и рѣша ему отроци его: «Не ходи безъ оружья, осоромятъ тя». Он же повелѣ възяти оружья отрокомъ, и бѣста 12 отрока с нимъ,</p>	<p>В то же веремя Изяславъ посла к Володимиру Галичкому Петра Бориславича съ крестьными грамотами, зане тыи же бяшетъ и в Перемышли с королевы мужи водилъ къ хресту. И рече ему Изяславъ: «Крестъ еси к нама с королемъ цѣловавъ на том, яко Руской волости, то ти все воротити, и того еси не оуправиль; нынѣ же азъ того не поминаю всего, но же хочещи хрестьному цѣлованию оуправити и с нама быти, то оузвороти моя городы, на них же еси к нама с королемъ крестъ цѣловаль, не хочещи ли дати, то съступиль еси крестьного цѣлования, а се твоѣ грамоты крестьныя, а нама с королемъ с тобою како Богъ дастъ». И рече Володимиръ: «Рци, брате, извеременилъ еси на мя, и короля еси на мя възвелъ, но оже буду живъ, то любо свою голову сложю, любо себе мьщю». И рече ему Петръ: «Княже, крестъ еси къ брату своему къ Изяславу и къ королеви цѣловаль, яко ти все оуправити, и снима быти, то ти оуже еси съступиль крестьного цѣлования». И рече Володимиръ: «Сии ли крестецъ малыи?» Рече Володимиру Петръ: «Княже, аче крестъ малъ, но сила его велика</p>

³ Сомнение в отношении атрибуции Жития Александру высказано Е. А. Конявской (и оно опять-таки вызвано именно употреблением формы третьего лица): «Не следует спешить, однако, с окончательным принятием гипотезы об авторстве игумена Александра. Упоминание об Александре в Житии в 3-м лице подкрепляет эти сомнения» [Конявская, с. 143, примеч. 19].

⁴ ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 175–179.

⁵ ПСРЛ. М., 2001. Т. 2. Стб. 461–465.

и поиде к ним по лѣсу. Они же сташа исполчившеся противу. Яневи же идущю с топорцем, выступиша от них 3 мужи, придоша къ Яневи, рекуще ему: «Вида, идеши на смерть, не ходи». Оному же повелѣвшю обити я, к прочимъ же поиде. Они же сунушася на Яня, единъ грѣшися Яня топором. Янь же, оборотя топоръ, оудари и тыльемъ, повѣле отрокомъ сѣчи я. Они же бѣжаша в лѣсъ, оубиша же ту попина Янева. Янь же вшедъ в град к бѣлозерцем, рече имъ: «Аще не имате волхву сею, не иду от васъ и за лѣто». Бѣлозерци же, шедше, яша я, и приведоша е к Яневи. И рече има: «Что ради погубиста толико человекъ?» Онѣма же рекшема, яко «ти держать обиле, да аще истребивѣ сихъ, будетъ гобино; аще ли хоцещи, то пере[д] тобою вынемѣве жито ли, рыбу ли ино что». Янь же рече: «Поистинѣ лжа то; створилъ Богъ человека от землѣ, сставленъ костыми и жылами от крове, нѣсть в немъ ничто же, и не вѣсть ничто же, но токѣмо единъ Богъ вѣсть». Она же рекоста: «Вѣ вѣвѣ, како есть человекъ створенъ». Он же рече: «Како?» Она же рекоста: «Богъ мывѣся въ мовниці, и вспотивѣся, от ся ветѣхомъ, и верже с небесе на землю. И распрѣся сотона с Богомъ, кому в немъ створити человека, и створи дьяволь человека, а Богъ душу в не вложи. Тѣмъ же аще оумреть человекъ, в землю и деть тѣло, а душа к Богу». Рече има Янь: «Поистинѣ, прельстилъ васъ есть бѣсъ. Коему богу вѣруета?» Она же рекоста: «Антихристу». Он же рече има: «То кдѣсть?» Она же рекоста: «Сѣдять в безднѣ». Рече има Янь: «Какыи то Богъ, сѣдя в безднѣ, то есть бѣсъ, а Богъ есть на небеси сѣдя на престолѣ, славим от ангель, иже предстоятъ ему со страхом, не могуще на нь зрети. Сих бо ангель сверженъ бысть, его же вы глаголета антихрест, за величанье его низверженъ бысть с небесе и есть в безднѣ, яко же то вы глаголета, жда, егда придетъ Богъ с небесе, сего имъ антихриста свяжетъ оузами и посадить и емъ его с слугами своими и иже к нему вѣрують. Вама же и сде муку прияти от мене, и по смерти тамо». Онѣма же рекшема: «Нама бози повѣдають, не можеши нам створити ничто же». Он же рече има: «Лжють вам бози». [Она же рекоста]: «Нама стати предъ Святославомъ, а ты не можшь створити ничто же». Янь же повелѣ бити я и потергати брадѣ ею. Сима же тепенома и брадѣ ею потерганѣ проскѣпомъ. Рече има Янь: «Что вам бози молвятъ?» Онѣма же рекшема: «Стати нам предъ Святославомъ». И повелѣ Янь вложити рубль въ оуста има и привязати я къ оупругу, и пусти предъ собою [въ] лодѣ, и самъ по них иде. Сташа на оусты Шексны, и рече има Янь: «Что вам бози молвятъ?» Она же рѣста: «Сице

есть на небеси и на земли, а тобѣ есть княже король являлъ того честного хреста, оже Богъ своею волею на томъ руди своя простерлъ есть, и привелы и Богъ по своей милости къ святому Степану, и то ти явилъ, оже цѣлова всечестного хреста, а съступиши, то не будеши живъ». И рече ему Петръ: «А оу королева еси мужа слышал ли о томъ честномъ крестѣ?» И рече Володимиръ: «Вы того до сыти есте молвили, а нынѣ полѣзи вонъ, поѣди же къ своему князю». Петръ же положи ему грамоты крестыня, лѣзе вонъ. И не даша Петрови ни повоза, ни корма. Петръ же поѣха на своихъ конихъ. И яко же съѣха Петръ съ княжа двора, и Володимиръ поиде к божниці къ святому Спасу на вечернюю, и яко же бысть на переходѣ до божниці, и ту видя Петра ядуща, и поругася ему, и рече: «Поѣха мужъ руский, обуимавъ вся волости». И то рекъ, иде на полати, и отпѣвше вечернюю. Володимиръ же от божниці, яко же бы на томъ мѣстѣ, на степени, иде же поругася Петрови, и рече: «Оле тѣ нѣкто мя оударя за плече». И не може с того мѣста ни мало поступити, и хотѣ летѣти, и ту подьхытиша и подъ руцѣ, и несоша и въ горенку, и вложиша и въ оукропъ, и молвахуть, яко дна есть подьступила. Инии же другоюко молвляху, и много прикладывахуть, и бьсть велми вечеръ. Володимиръ же нача изнемагати вѣлами, и яко же бы влягомо, и тако Володимиръ, Галичскый князь, прѣставися. Петрови же выѣхавшю изъ Галича, и бѣ ему оуже вечеръ, и леже оу Болшевѣ, и яко же бысть оубо куромъ, и пригна дѣтскый изъ Галича к Петрови, река: «Князь ти молвить: “Не ѣзди никамо же, но жди ту, доколѣ по тя выслю”». Петрови же не вѣдущю княже смерти, ни тѣ ему дѣтскый не повѣдѣ. Петръ же тѣмъ печаленъ бѣше велми, оже ему бѣше опять в городѣ поѣхати, творяшясья прияти муку пуце того. Петръ же тужашеть, яко бѣ еще до обѣда, и тако изъ града пригнаша по Петра, рекуще: «Князь ти зоветь». Петръ же поѣха въ градъ, и приѣха на княжъ дворъ, и ту снидоша противу ему съ сѣнѣи слугы княжи, вси в чернихъ мятлихъ. И видивъ се Петръ, и подивися, что се есть. И яже вниде на сѣни и види Ярослава, сѣдяща на отни мѣстѣ в черни мятли и въ клобуцѣ, тако же и вси мужи его. И поставиша Петрови столець, и сѣде. Ярославъ же възрѣвъ на Петра и расплакася. Петръ, не вѣдая, сѣдѣше, и нача прашати, что се есть. И повѣдаша ему: «Богъ сы ночи князя поялъ». И рече Петръ: «А сы ночи есмь поѣхаль, а онъ добръ». Они же рекоша: «Что си оусунуль за плече, и с того нача велми изнемагати, и тако Богъ поя и». И рече Петръ: «Воля Божия, а всимъ тамо быти». Ярославъ же рече Петрови: «Мы есмы

нама бози молвятъ: не быти нам живы от тебе». И рече има Янь: «То ти вам право повѣдали». Она же рекоста: «Но аще на пустиши, много ти добра будетъ, аще ли наю погубиши, многу печаль приимеши и зло». Он же рече има: «Аще ваю пуцю, то зло ми будет от Бога». И рече Янь повозником: «Ци кому вас кто родинъ убьенъ от сею?». Они же рѣша: «Мнѣ мати, другому сестра, иному роженъе». Он же рече имъ: «Мьстите своихъ». Они же, поимше, оубиша я и повѣсиша е на дубѣ; отмьстѣе приимше от Бога по правдѣ. Яневи же идущю домови, в другую ночь медвѣдъ възлѣзъ, оугрызъ ею и снѣсть. И тако погыбнуста наущенъемъ бѣсовьскимъ, инѣмъ вѣдуще, а своее пагубы не вѣдуче. Аще ли быста вѣдала, то не быста пришла на мѣсто се, иде же ятома има быти; аще ли и ята быста, то почто глаголаста: «Не оумрети нам», оному мыслящю оубити я? Но се есть бѣсовьское наученъе: бѣси бо не вѣдятъ мысли человеческое, но влагають помысль въ человека, тайны не свѣдуще; Богъ единъ вѣсть помышленъя человеческая, бѣси же не свѣдають ничто же, суть бо немощни и худы взоромъ.

тебе того дѣля позвали, се Богъ волю свою како ему угодно, тако створилъ есть, а ныне поѣди къ отцю своему Изяславу, а от мене ся ему поклони, и се ему явиши, аче Богъ отца моего понялъ, а ты ми буди въ отца мѣсто; а ты ся с моим отцемъ самъ вѣдалъ, что межи има было, а то оуже Богъ осудилъ, аче Богъ отца моего понялъ, а мене Богъ на его мѣстѣ оставилъ, а полкъ его и дружина е оу мене суть, разве едино копие поставлено оу гроба его, а и то в руку моею есть; ныне, отче, кланяю ти ся, прими мя яко сына своего Мьстислава, тако же и мене: ать ездить Мьстиславъ подлѣ твои стремень по одиной сторонѣ тебе, а я по другой сторонѣ подлѣ твои стремень ѣжду всими своими полкы». И тако отпустиша Петра.

В рассказе о Яне Вышатиче наличествует все то, что в рассказе о посольстве Петра Бориславича трактуется как свидетельства «авторского присутствия»: прямая речь, включая пространные диалоги; нюансы, которые мог знать только герой рассказа, в том числе подробности боевого столкновения (чего стоит деталь, что Янь, вступив в схватку с повстанцами, в момент нанесения удара развернул топор тыльной стороной – обухом); Янь, как и Петр Бориславич, единственный из персонажей «правой», с точки зрения автора, стороны, кто назван по имени. Казалось бы, версия о Яне как авторе данного летописного рассказа должна была появиться и быть не менее признанной, чем гипотеза о Петре Бориславиче как летописце. Но этого не произошло, потому что существует запись в Повести временных лет под 6614 (1106) г.: «В се же лѣто преставися Янь, старецъ добрый, живъ лѣт 90, в старости маститѣ, живъ по закону Божию, не хужии бѣ первых праведник; от него же и азъ многа словеса слышах, еже и вписах в лѣтописаньи семь, от него же слышахъ»⁶. Из нее становится ясно, что рассказ о Яне и волхвах был записан летописцем *со слов Яня* и, следовательно, последний летописцу не тождествен⁷. Тем не менее «эффект присутствия» в тексте полностью передан... Ничто не мешает предполагать подобное – запись со слов героя повествования – и в отношении Петра Бориславича. А ведь его случай из всех гипотез об авторстве участников событий, упомянутых в третьем лице, – самый обоснованный. Что же говорить о других?

Тезис о возможности упоминания автора в третьем лице приобрел бы убедительность, если бы нашлись случаи, когда точно известно, кто является автором (то есть автор упоминается в заглавии и нет оснований сомневаться в точности этого указания), и в тексте об этом авторе сказано в третьем лице.

Из произведений домонгольского периода такую ситуацию можно было бы, на первый

⁶ ПСРА. Т. 1. Стб. 281.

⁷ В Словарь книжников и книжности Древней Руси включена отдельная статья о Яне, но именно как о лице, «рассказы которого... были включены в Начальный свод и Повесть временных лет» [Творогов, 1987б, с. 483]. О Яне Вышатиче как информаторе летописца и связанных с этим вопросах см.: [Гимон].

взгляд, усмотреть в «Слове великого князя Андрея Боголюбского о милости Божией»: «Тако и сии праздникъ оуоставленъ бысть худым и грѣшным рабом Божым и Святыя его Матере Андрѣем князем, сыном Георгиевым, внук Мономахова, именем Володимера царя и князя всея Руси. О Вседержителю Неизреченне Многомилостиве единь Человеколюбче Господи Боже нашъ, Пречистая Госпоже Богородице Дево, рожешия всѣх Творца Господа Бога нашего, Чистая Мати Богу благословеная, поющаа Тя вѣрою спасаи напасти, молвою отганящи милостивно, яко Бога рождеши, и все, елико хоцещи, и свершаеши невозбранно и можеши, Девице, еже не осрамляета всѣх, притѣкающих к Вама со страхом и с вѣрою, и любовью. Тако и мнѣ, грѣшному недостойному рабу своему Андрѣю, приложита неизреченныя милости своя, свыше посылающе от Тебѣ бо, Владыко и Пречистая Мати Божья, и всяко данье благо и дари свершени посылають с оуповающим к Тебѣ вѣрою и ныне всегда, и в бесконечныя вѣкы. Богоу нашему слава и нынѣ»⁸. Однако поскольку указание на Андрея как учредителя праздника здесь продолжено речью от первого лица (с повторением имени), по сути это развернутая презентация автора в первом лице. Князь только избежал таким образом слишком не соответствующего христианскому смирению оборота «праздник уставлен мною»⁹.

Если обратиться к «ордынскому» периоду, то автор, казалось бы, упоминается в третьем лице в памятнике второй половины XIII в., озаглавленном «Семена епископа тѣмьрскаго наказание»: «Семен епископъ отвѣчалъ»¹⁰. Но в заглавии говорится не об авторстве, а о том, что произведение *содержит* наставление епископа Симеона полоцкому князю [Корогодина, с. 92–93]¹¹.

Долгое время автором первой редакции Жития митрополита Петра, датируемой 1327 г., считался упомянутый в тексте в третьем лице епископ ростовский Прохор, но затем было доказано, что его имя, читающееся в заголовке одного из изводов, было перенесено туда из присоединенного в этом изводе к Житию поучения [Кучкин, 1962; Прохоров].

Таким образом, подтвержденные случаи, когда автор называл бы себя в тексте в третьем лице, как в литературе домонгольской Руси, так и в произведениях последующей эпохи не то что являются редкостью – они отсутствуют.

При этом упоминаний авторов в *первом* лице в памятниках XI–XV вв. множество – и в тех, где автор известен, и в тех, которые его имя не сохранили. Во многих случаях это можно отнести за счет жанра произведения: в посланиях, поучениях, хождениях, там, где сильное «авторское присутствие» неизбежно, говорить о себе в первом лице было естественно (тем более если автор назван в заглавии). Но все случаи под это объяснение не подвести. Есть примеры, когда автор фигурирует в первом лице в летописных и житийных памятниках, причем не только при указании на авторство или в рассуждениях о замысле произведения¹², но и в ситуациях, когда можно было обойтись без его упоминания либо (если автор был активным участником событий) сказать о себе, в духе «казуса Петра Бориславича», в третьем лице.

⁸ Конявская Е. Л. К истории сложения Проложной статьи на 1 августа // Древняя Русь. вопросы медиевистики. 2012. № 1 (47). С. 11.

⁹ Эпитеты «худый, грешный, недостойный» характерны как раз для самопрезентаций авторов, ср. запись составителя Лаврентьевской летописи 1377 г.: «азъ худый недостойный и многогрешный рабъ Лаврентей мнихъ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 487).

¹⁰ Мерило Праведное по рукописи XIV века. М., 1961. С. 128–129.

¹¹ Внутри особой редакции памятника, вероятно, сохранился фрагмент поучения самого Симеона, где речь идет от первого лица [Кучкин, 1969, с. 248–250]; но приписывать Симеону фрагмент, в котором он упоминается в третьем лице, серьезных оснований нет.

¹² Такого рода случаи см.: Успенский сборник XII–XIII вв. С. 71–73 (Житие Феодосия Печерского); ПСРЛ. Т. 1. Стб. 286 (запись Сильвестра), 487–488 (запись Лаврентия); СПб., 2002. Т. 42. С. 155–156 (Слово о житии Дмитрия Донского), 166 (Житие Михаила Александровича Тверского); Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 159–160 (Житие Александра Невского); «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 536, 541, 551 («Задонщина» Пространной редакции).

В Житии Феодосия Печерского его автор Нестор не только неоднократно и пространно говорит, называя себя в первом лице, о своем намерении описать жизнь игумена, но и сообщает (в конце произведения) автобиографические сведения: «приятъ же быхъ въ нь (в Киево-Печерский монастырь. – А. Г.) преподобнымъ игоуменьмъ Стефанъмъ, и яко же от того остриженъ бывъ и мьнишьскыя одежа съподобленъ, пакы же и на дияконъскыи санъ от него и зведенъ»¹³.

Статья 6559 (1051) г. Повести временных лет (о Киево-Печерском монастыре): «Феодосьеви же живушю в манастыри, и правяшю добродѣтельное житѣе и чернечское правило, и приимающю всякого приходящаго к нему, к нему же и азъ придохъ, худбы и недостойныи рабъ, и прият мя, лѣт ми сущю 17 от роженъя моего»¹⁴.

Статья Повести временных лет 6599 (1091) г. (о перенесении мощей Феодосия Печерского): «И приспѣвшю празднику Успенъя Богородицѣ треми деньми, повелѣ игумень рушити, кдѣ лежать мощѣ его, отца нашего Феодосъя, его же повелѣнью быхъ азъ грѣшныи первое самовидецъ, еже скажю, не слухомъ бо слышавъ, но сам о семь началникъ. Пришедшю же игумену ко мнѣ, и рекшю ми: “Поидевѣ в пещеру к Феодосьеви”. Азъ же пришеде и со игуменомъ, не свѣдушю никому же, разглядавшя, кудѣ копати, и знаменавша мѣсто, кдѣ копати, кромѣ устья. Рече же ко мнѣ игумень: “Не мози повѣдати никому же [от братъи, да не оувѣдаетъ никтоже], но поими, его же хочещи, да ти поможетъ”. Азъ же пристроихъ семь днии рогалие, ими же копати. И въ вторник вечер, [в суморок], пояхъ с собою два брата, не вѣдушю никому же, придох в пещеру и, отпѣвъ псалмы, почяхъ копати. [И] трудився вдахъ другому брату, копахомъ до полуночьа, трудихомся, и не могуче ся докопати, начахъ тужити, еда како на страну копаемъ. Азъ же, вземъ рогалию, начахъ копати рамено, и другу моему, опочивающю передъ пещерою, и рече ми: “Оударивше в било”. И азъ в то чинъ прокопах на мощѣ Феодосьеви. Оному глаголюшю ко мнѣ: “Оудариша в било”; мне же рекушю: “Прокопахъ уже”. Егда же прокопахъ, обдержашеть мя оужастъ, и начахъ звати: “Господи помилуй!”... И придоста (епископ Стефан и игумен Климент. – А. Г.) дну в пещеру, нам сѣдящемъ оу мощи его. Егда бо прокопахъ, послахъ к игумену: “Приди да вынемемъ и”. Игумень же приде з двѣма братома; [и] прокопахъ велми, и влѣзохом, и [видѣхом] [и] лежашъ мощьми, но сстави не распалися бѣша, и власи главнии притяскли бяху... Азъ же, грѣшныи твои рабъ и оученикъ, недоумѣю, чимъ похвалити доброго твоего житѣя и въздержанъя. Но се реку мало нѣчто... (далее похвала Феодосию. – А. Г.); молися за мя, отче честныи, избавлену быти от сѣти неприязнины, и от противника врага сблуди мя твоими молитвами»¹⁵.

Статья Повести временных лет 6605 (1097) г. (так называемая «Повесть об ослеплении Василька Теробовльскаго»): «Василкови же сущю Володимери на презреченѣмъ мѣстѣ, и яко приближися постъ великыи, и мнѣ ту сущю Володимери. Въ одну ношь присла по мя князь Давыдъ, и придохъ к нему, и сѣдяху около его дружина, и посадивъ мя и рече ми: “Се молвил Василко сеи ночи к Уланови и Колчи, рекъ тако: «Се слышю, оже идет Володимеръ и Святополкъ на Давыда, да же бы мене Давыдъ послушалъ, да быхъ послалъ мужъ свои к Володимеру воротитъся, вѣдѣ бо ся с нимъ что молвивъ». Да се, Василю, шлю тя, иди к Василкови, тезу своему, с сима отрокома, и молви ему тако: «Оже хочещи послати мужъ свои, и воротитъся Володимеръ, то вдамъ ти которои ти городъ любъ: любо Всеволожь, любо Шеполь, любо Перемиль». Азъ же идохъ к Василкови и повѣдахъ ему вся рѣчи Давыдовы. Он же рече: “Сего есмь не молвилъ, но надѣюся на Богъ. Пошлю, да быша не прольали мене ради крови. Но сему имя дивно, даетъ ми городъ свои, а мои Теробовль моя власть и ныне и пождавшя”. Яко же и бысть: вскорѣ бо прия власть свою. Мнѣ же рече: “Иди к Давыдови и рци ему: «Пришли ми Кульмѣя, то пошлю и к Володимеру». И не послуша его Давыдъ, и посла ми пакы, река: “Нѣту Кульмѣя”. И рече ми Василко: “Посѣди

¹³ Успенский сборник XII–XIII вв. С. 134–135.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 160.

¹⁵ Там же. Стб. 209–211, 213–214.

мало¹⁶. И повелѣ служѣ своему ити вонь, и сѣде со мною, и нача ми глаголати» (далее приводится рассказ Василька)¹⁶. Автор упоминает свое имя – Василий, но при этом говорит о себе в первом лице, хотя, если исходить из «казуса Петра Бориславича», вполне мог бы употребить третье («присла Давыд к Василию» и т. д.)¹⁷.

Статья Повести временных лет под 6614 (1106) г. (цитированная выше): «От него же и азъ многа словеса слышах, еже и вписах в лѣтописаньи семь»¹⁸.

Новгородское летописание под 6652 (1144) г.: «Въ то же лѣто постави мя попомъ архиепископъ святый Нифонтъ»¹⁹. Из статьи 1188 г. следует, что речь идет о настоятеле церкви Св. Якова Германе Вояте²⁰. Если исходить из «казуса Петра Бориславича», летописцу следовало бы сказать о себе в третьем лице, назвав имя («постави Германа Вояту»), но он предпочел первое лицо без упоминания имени.

Новгородское летописание под 6738 (1230) г.: «А даи Богъ молитва его святая всѣмъ крестьяномъ и мнѣ грѣшному Тимофѣю понаманарю»²¹. Здесь имя упомянуто, но лицо употреблено опять-таки первое.

Житие Александра Невского: автор упоминает себя, рассказывая о битвах на Неве («Си вся слышахом от господина своего Александра и от иных, иже в то время обрѣтошася в той сѣчи») и на Чудском озере («Се же слышах от самовидца, иже рече ми, яко видѣх полкъ Божий на въздусѣ, пришедши на помощь Александрови»), а также от первого лица восклицает, говоря о кончине князя: «аще бы азѣ, и въ гробъ бы лѣзъ с ним»²².

Таким образом, упоминаний себя в первом лице древнерусские авторы не избегали, в том числе при описании событий, в которых тем или иным образом участвовали. Такие упоминания встречаются как в «авторизованных», так и в анонимных произведениях²³.

Точно установленных, подтвержденных случаев упоминания автором себя в тексте в третьем лице нет. Следовательно, *все* отождествления анонимных авторов с упоминаемыми в третьем лице персонажами – не более чем предположения, основанные в лучшем случае на подробности повествования, что отнюдь не может считаться доказательством авторства участника событий (как показывает пример статьи Повести временных лет 1071 г.).

Аргумент в пользу авторства участника описанных событий, о котором говорится в тексте в третьем лице, основанный на том, что это якобы была распространенная практика²⁴, – ошибочен. Возможность упоминания автором себя в третьем лице является ничем не подтвержденным допущением. А из этого следует, что атрибуции, основанные на таком допущении, нуждаются в пересмотре.

¹⁶ Там же. Стб. 265–266.

¹⁷ Тождество Василия, автора цитированного рассказа, с посадником Святополка Изяславича во Владимире-Волыньском Василем, упомянутым в тексте далее в третьем лице (ПСРА. Т. 1. Стб. 272), – не более чем предположение [Рыбаков, 1963, с. 275–279]. В Повести фигурирует и еще один Василь – доносчик на Василька Теребовльского Давыду Игоревичу (вместе с Туряком и Лазарем) (ПСРА. Т. 1. Стб. 268), но его по понятным причинам (казнен Васильком из мести) с автором не отождествляют. Если в произведении действуют три разных Василия: автор, Василько Теребовльский и Василь-доносчик, ничто не мешает полагать, что и четвертый (Василь-посадник) – всего лишь их тезка.

¹⁸ ПСРА. Т. 1. Стб. 281.

¹⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 27.

²⁰ Там же. С. 39 (запись о смерти Германа Вояты). См.: [Гиппиус, с. 4–5, 64–69].

²¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 70.

²² Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 171, 178.

²³ Поэтому нет оснований допустить, что для «авторизованных» памятников характерно первое лицо, а в анонимных следует ожидать третье.

²⁴ См. из новейших работ: [Ужанков, 2009, с. 351–352; Ужанков, 2020, с. 351–352]. Исследователь утверждает, что практика использования авторами наряду с первым третьим лицом «бытовала на Руси на протяжении XII–XVII вв.», но иллюстрирует ее примерами, относящимися к XVII столетию. Из более ранних приводится только запись Сильвестра в Повести временных лет по Лаврентьевской летописи под 6624 (1116) г.: «Игумень Сильвестръ святого Михаила написах книги си лѣтописецъ, надѣяся от Бога милость прияти, при князи Володимеръ, княжащо ему Кыевъ, а мнѣ в то время игуменящо оу святого Михаила, въ 6624, индикта 9 мѣта, а иже четъть книги сия, то буди ми въ молитвахъ» (ПСРА. Т. 1. Стб. 286). Но это типичная запись писца (подобно цитированной выше записи Лаврентия 1377 г.), к тому же от первого лица (только что местоимение «я» стоит в косвенных падежах), а не упоминание автором себя в третьем лице среди персонажей описываемых событий.

Литература

- Гимон Т. В. Янь Вышатич и устные источники древнерусской Начальной летописи // Древнейшие государства Восточной Европы. 2011. М., 2013. С. 65–117.
- Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // НИС. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 3–72.
- Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М., 2000. 387, [2] с.
- Дмитриев Л. А. Петр Бориславич // СККДР. Л., 1987. Т. 1. С. 329–332.
- Колесов В. В. Повесть о убиении Андрея Боголюбского // СККДР. Л., 1987. Т. 1. С. 365–367.
- Конявская Е. Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.). М., 2000. 195, [1] с.
- Корогодина М. В. Кормчие книги XIV – первой половины XVII веков. СПб., 2017. Т. 1. 597, [1] с.
- Кучкин В. А. Сказание о смерти митрополита Петра // ТОДРА. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 59–79.
- Кучкин В. А. Особая редакция «Наказания» Симеона Тверского // Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969. С. 243–251.
- Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. М., 1974. 289 с., 1 л. ил.
- Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. 499 с.
- Прохоров Г. М. Прохор // СККДР. Л., 1987. Т. 1. С. 381–382.
- Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. 361 с., 2 л. ил.
- Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. 520 с., 1 л. ил.
- Рыбаков Б. А. Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991. 286, [1] с.
- Творогов О. В. Лазарь // СККДР. Л., 1987. Т. 1. С. 229 [Творогов, 1987а]
- Творогов О. В. Янь Вышатич // СККДР. Л., 1987. Т. 1. С. 483–484 [Творогов, 1987б]
- Ужанков А. Н. Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI–XIII веков. М., 2009. 439 с.
- Ужанков А. Н. Слово о полку Игореве и его автор. М., 2020. 486, [1] с.
- Хрущов И. П. О древнерусских исторических повестях и сказаниях. XI–XII столетие. Киев, 1878. X, 212 с.

References

- Danilevskii, I. N. *Russkie zemli glazami sovremennikov i potomkov (XII–XIV vv.)* [Russian Lands through the Eyes of Contemporaries and Descendants (12th – 14th Centuries)]. Moscow, 2000. 387, [2] p.
- Dmitriev, L. A. Petr Borislavich [Peter Borislavich]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Leningrad, 1987. Vol. 1. Pp. 329–332.
- Gimon, T. V. Yan' Vyshatich i ustnye istochniki drevnerusskoi Nachal'noi letopisi [Yan Vyshatich and Oral Sources of the Old Russian Primary Chronicle]. In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2011*. Moscow, 2013. Pp. 65–117.
- Gippius, A. A. K istorii slozheniya teksta Novgorodskoi pervoi letopisi [On the History of the Composition of the Text of the Novgorod First Chronicle]. In *Novgorodskii istoricheskii sbornik*. Saint Petersburg, 1997. Issue 6 (16). Pp. 3–72.
- Khrushchov, I. P. O drevnerusskikh istoricheskikh povestyakh i skazaniyakh. XI–XII stoletie [About Old Russian Historical Stories and Legends. 11th – 12th Centuries]. Kiev, 1878. X, 212 p.
- Kolesov, V. V. Povest' o ubienii Andreyu Bogolyubskogo [The Story of the Murder of Andrei Bogolyubsky]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Leningrad, 1987. Vol. 1. Pp. 365–367.
- Konyavskaya, E. L. Avtorskoe samosoznanie drevnerusskogo knizhnika (XI – sredina XV v.) [The Author's Self-consciousness of the Old Russian Scribe (11th – middle of the 15th Century)]. Moscow, 2000. 195, [1] p.
- Korogodina, M. V. Kormchie knigi XIV – pervoi poloviny XVII vekov [Nomokanon of the 14th – First Half of the 17th Century]. Saint Petersburg, 2017. Vol. 1. 597, [1] p.
- Kuchkin, V. A. Skazanie o smerti mitropolita Petra [The Legend of the Death of Metropolitan Peter]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Moscow; Leningrad, 1962. Vol. 18. Pp. 59–79.
- Kuchkin, V. A. Osobaya redaktsiya "Nakazaniya" Simeona Tvepskogo [Special Redaction of Simeon Tversky's "Instruction"]. In *Изучение русского языка и источниковедение*. Moscow, 1969. Pp. 243–251.
- Kuchkin, V. A. Povesti o Mikhaile Tverskom [The Stories of Mikhail Tversky]. Moscow, 1974. 289 p., 1 l. of il.

- Likhachev, D. S. *Russkie letopisi i ikh kul'turno-istoricheskoe znachenie* [Russian Chronicles and Their Cultural and Historical Significance]. Moscow; Leningrad, 1947. 499 p.
- Prokhorov, G. M. Prokhor [Prokhor]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Leningrad, 1987. Vol. 1. Pp. 381–382.
- Rybakov, B. A. *Drevnyaya Rus': Skazaniya. Byliny. Letopisi* [Old Rus: Legends. Epics. Chronicles]. Moscow, 1963. 361 p., 2 l. of il.
- Rybakov, B. A. *Russkie letopisty i avtor "Slova o polku Igoreve"* [Russian Chroniclers and the Author of the Tale of Igor's Campaign]. Moscow, 1972. 520 p., 1 l. of il.
- Rybakov, B. A. *Petr Borislavich: Poisk avtora "Slova o polku Igoreve"* [Pyotr Borislavich: Search for the author of the Tale of Igor's Campaign]. Moscow, 1991. 286, [1] p.
- Tvorogov, O. V. Lazar' [Lazarus]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Leningrad, 1987. Vol. 1. Pp. 229 [Tvorogov, 1987a]
- Tvorogov, O. V. Yan' Vyshatich [Yan Vyshatich]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Leningrad, 1987. Vol. 1. Pp. 483–484 [Tvorogov, 1987b]
- Uzhankov, A. N. *Problemy istoriografii i tekstologii drevnerusskikh pamyatnikov XI–XIII vekov* [Problems of Historiography and Textual Studies of Old Russian Monuments of the 11th – 13th Centuries]. Moscow, 2009. 439 p.
- Uzhankov, A. N. *Slovo o polku Igoreve i ego avtor* [The Tale of Igor's Campaign and Its Author]. Moscow, 2020. 486, [1] p.

Anton A. Gorskiy

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

**YAN VYSHATICH "AGAINST" PETR BORISLAVICH:
DID THE AUTHORS OF OLD RUSSIAN LITERARY WORKS
MENTION THEMSELVES IN THE THIRD PERSON?**

The article deals with a popular view that authors of Old Russian literary works often mentioned themselves in the third person. The author comes to conclusion that there are no evidence for such a statement. So all the attributions based thereon need revision.

Keywords: Old Russian literature, an attribution, Yan Vyshatich, Petr Borislavich

